

ВЛАДИМИР КРУПИН

ВЗАПЕРТИ

КАМЕРНАЯ ПРОЗА

ПОГИБШИЕ БЕЗГЛАСНО

Слышу жалобы на изоляцию. А я, может, от того её легко переношу, что часто в жизни жил в одиночестве. Ну, не часто, но бывало. Для меня не стены, не потолок тяжелы, простора нет для взгляда. Небо закрыто, вот печаль. Взгляд упирается в близкие стены соседних домов. А ещё один дом, который во дворе, уже долгие годы глухо закрыт чёрной тканью. Дом хотят сносить. Что-то, конечно, гостиницу или какую торговую громадину собираются строить. Но что-то заело. И эта чёрная накидка уже истрепалась на ветру, выглядывает дом как нищий в лохмотьях. Тяжело для взгляда.

А ещё подлым образом, по ночам, воровски, сносят деревья. И нашу берёзу, уже сорокалетнюю, убрали. И ещё кусты выдирали. А ель какая была красавица, её уже нет. И как поступили: её всю обмотали широкой изоляцией, как багаж в аэропорту. Конечно, она стала задыхаться в таком синтетическом футляре. Видимо, на это и рассчитывали убийцы. Мол, она все равно засохшая.

Жена первая заметила. Вечером я взял нож, ножницы и долго боролся за свободу словых веток. Они уже погибали в такой духоте и тесноте, иголки сыпались. Но всё-таки получилось помочь ёлочке. Ещё принёс ведро воды

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в армии, окончил Московский областной пединститут. Автор многих повестей и рассказов, романа "Спасение погибших", путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор "Православной азбуки", "Детского церковного календаря", книги "Русские святые". Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия. Печатается в нашем журнале с 1972 года. Живет в Москве.

и вылил под корень. И она всего за три дня ожила, воспрянула. Верхние веточки обрадовались теплу и свету, ярко зазеленели. Весна, собиралась жить.

А ещё через день елочки не стало. Подлейшим образом спилили вровень с землёй, затоптали пенёчек, иголки подмели.

Всё. Спросите: почему мы никуда не обратились? Отвечу: бесполезно. Даже и найдут, допустим, даже оштрафуют, что с того? Ёлочки-то нет.

Высокая уже была, выше меня. Её убивали, а я спал.

ЗАМЕТКИ НА ПАМЯТЬ ДЕТКАМ

Правила жизненного поведения запечатлены в народном сознании в кратких афоризмах пословиц и поговорок, которые правят умами. Они рождены мудростью, Священным писанием, проверены вековечным опытом жизни: “Без Бога ни до порога”, “Сей овёс в грязь, будешь князь”, “Умирать собрался, а рожь сей”, “Одна ласточка весны не делает”, “Тесть любит честь, зять любит взять”, “Лучше девять деверьёв, чем одна золовушка”, “Нынче полковник, завтра покойник”, “Только тот и не грешит, кто в земле лежит”, “Аптека убавит века”, “Береги честь смолоду, а платье снову...”

Тут я запнулся: всегда же говорили только: береги честь смолоду, а про платье узнал позднее. Так сказать, первая часть пословицы для жизни, нравственная, а вторая часть бытовая. Не пачкай одежду, не рви обувь. Хорошая добавка.

А потом стал узнавать и другие добавки. Где верные, где искажающие смысл первоначальный. Например: “О мёртвых или хорошо, или ничего”. Но верно ли это? Почему ничего? Над ушедшим непременно свершается суд. Ещё до Божия суда суд человеческий. А если опочивший такой, что и слова доброго не заслужил, то как? Конечно, молиться за него. Но и сказать правду надо. Стал копать этимологию пословицы, она так звучит: “О мёртвых или ничего, или правду”. То есть, если можешь удержаться от осуждения, молчи, а знаешь правду — скажи. Сложный, конечно, вопрос: правда правдой, но как сказана? А на это есть замечательная пословица: “Правда без любви это жестокость”.

Чудеса в решете, так говорим, а почему в решете чудеса? Да потому что дыр много, а выскочить некуда. Или: “Чудеса, как вода. В решете дыр много, все вытекут”.

“Шито-крыто”. Вроде всё, все дела и делишки нежелательные скрыты, зашиты. А пословица правильно звучит так: “Шито-крыто, а узелок-то тут”. То есть все равно тайное будет явным.

“Старый конь борозды не испортит”. Так говорят. Верно. Но звучало и так: “не испортит, да мелко (неглубоко) пашет”.

“От работы кони дохнут”. Полностью “...а люди крепнут”. Хотя это спорно. О работе плюсом к Даю много новосочинённых. Был знаменитый роман “Алитет уходит в горы” Тихона Сёмункина о северных народах. Алитет это шаман. Пословица такая родилась: “Работа не Алитет, в горы не уйдёт”. Или такие: “Если хочется работать, ляг, поспи, это пройдёт”. “Пусть трактор работает, он железный”. “Думать надо!” — “Пусть лошадь думает, у неё голова большая”. “Дураков работа любит”. Прибавка: “...да не кормит”.

Пословица о знатоках: “В этом деле они собаку съели”. То есть, хорошо знающие какое-то дело. А звучало так: “...съели, да хвостом подавились”. Очень нужное вразумление, предостережение от всезнайства.

“У страха глаза велики”. Тут очень верное забытое первое звучание: “...велики, да не видят ничего”.

А вот бытовая “Рыбак рыбака видит издалека” вроде бы говорит о радости, о нахождении, например, собутыльника, но полностью она такова: “...видит издалека и стороной обходит”. Разве не так? Разве рады рыбаки тому, что кто-то закинет удочку на его заветном, “прикормленном” месте. И тот, кто подходит, не спешит радоваться: место занято.

Или (у Даля нет): “Была бы лошадь, хомут найдётся”.

Всю сознательную жизнь прохожу с книгой Владимира Даля “Пословицы русского народа” (Москва, 1967 г. Предисловие М. А. Шолохова). Вся исчитана-перечитана, излистана многое множество раз. Даже иногда и свои, слышанные с детства в моей Вятке пословицы вписывал. От мамы слышал, от отца. Например, “Собака сдохла — цепь опростала”. Тут нет грубости, это о смерти начальника, который умер. Мы же не говорили, что собака умерла, она сдохла, больше не сидит на цепи, не караулит. Значит, будет новая собака: цепь свободна. Или примерно о том же: “Свято место не будет пусто”.

Министр просвещения граф Уваров подарил Николаю I книгу Семёна Кованько “Старинная пословица вовек не сломится, или Опытное основание народного мудрословия в двух частях как доказательство благонадёжности всего русского народа”. Книгу эту клеймили как верноподданническую. Но, помидуйте, что плохого, если народ верен Божию помазаннику?

Не утерплю и, надеюсь, к общей радости, выпишу немного текста из предисловия самого автора. Оно озаглавлено:

ЗАМЕТКИ НА ПАМЯТЬ ДЕТКАМ о самобытном развитии Русского Духа

“Вот вам, детки, мои заметки. Кашу кушайте, сказку слушайте, при-сказку читайте, на уши мотаите, умом-разумом смекайте.

Жила-была с веков незапамятных, и ныне живёт-пребывает, как маков цвет расцветает, как заря утренняя красуется, не во свои дела не суется, матушка Россия свет Государевна хлебосольная, раздольная и привольная. У ней пажити, поля тучные, дубровы дремучие, звероловные, реки зыбучие, судоходные, рыболовные, моря широкие, серебристые, горы высокие златоносные, небеса высокие огнистые. Мужа Бог даровал ей Богатыря непобедимого Закона Самодержавича Православного. Живут они с Верою по отчеству Христиановной, по прозвищу Восточною, во своей Земле, во Святой Руси”.

А как хорошо названо собрание пословиц — Мудрословие.

Причём, главное: все они, идущие из глубины веков, современны. Не за-слонили их ни идеологии, ни революции. Вот пожалуйста: “Паны (баре) дерутся, у мужиков чубы трещат”. То есть вроде бы, что нам народу, деритесь, нет, они обязательно и народ в войны свои вовлекают. И всегда за дразги бар-господ, за их разборки народ платит своей кровью. А ещё, кроме панов, есть их слуги, вастухи-чиновники. “Паны за чубы, волки за овец”. Это понятно? Делят вору-чиновники наворованное, дерутся за него, а другие вору-ги кидаются на выжимание доходов из обнищавшего народа. “Но есть и Божий суд, наперсники разврата”. Это уже сочинённая поэтом пословица, вошедшая в обиход народного сознания для его утешения.

Утешимся и мы: “Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает”, “В рай просишься, а сам в ад лезешь”, “Коротка наша жизнь: только во сне сдалось, что на свете жилося”, “И кончина наша проста и быстра: лёг под образа, да закрыл глаза.

Только и надеешься, что “Бог даст смерть, даст и покаяние”.

НЕ РИМЛЯНЕ РАСПИНАЛИ ХРИСТА

Кому подчинялись римские солдаты, стоящие у Креста? Римскому императору и его представителю, прокуратору Иудей Понтию Пилату. Когда иудейские первосвященники подучили народ кричать и требовать распятия Иисуса, разве Пилат распорядился казнить его? Нет. Хотя Иисус был всецело во власти кесаря. Мог и отпустить, и казнить. Но, он, убоявшись иудейских угроз, отдал Его в их руки: “возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в Нем вины”. Иудеи отвечали ему: “...мы имеем закон, и по закону нашему он должен умереть”, то есть по их закону. Они добились своего, Пилат предал Христа в их распоряжение. Они взяли и поступили с Ним по злобе своей. Тогда было и заушение и заплевывание, биение по ланитам, терновый

венец. На такое издевательство над измученным человеком гордые римские воины не способны. Они способны биться и умирать. “Аве, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!”

Распинали Христа прислужники иудеев. Римский сотник, поразивший в ребра Спасителя, убедился в Его земной кончине. И первым возгласил: “Воистину, человек сей — Сын Божий!” (Мф 57-24). Иудеи хотели золотом купить его молчание. Не смогли. Тогда они вынудили того же Пилата казнить святого.

КРЕСТ И ЯТАГАН

На канале “СПАС” в пасхальные дни были выставлены буквы Х и В. Христос Воскресе. Но странно, что они чередовались с картинкой, на которой были, очень похожие на турецкие, скрещенные мечи-ятаганы. Под ними шестиконечный цветок. Плюс молодой полумесяц. И так всю Пасху и Светлую седмицу и далее оставались на экране.

Видимо, это что-то изображало. Что? Мне непонятно. И неприятно. Так же, как и картинка к 75-летию Победы. На ней стрелы, обозначающие движение войск. Слева, с запада, то есть, немецкие, справа, с востока, наши. Левые тут явно одолевают правых. Но ведь Победа наша.

Эти картинки на экране — вовсе не пустяки: зрительный образ действует на человека независимо от его сознания. Действует и подспудно настраивает.

Интересно, кто же это решает, чем и как, и когда влиять на наше восприятие?

БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ И МАСКА

К великому нашему счастью и радости духовной сошёл и в нынешний непростой год в Страстную субботу Благодатный Огонь на Гроб Господень. Такое было напряженное его ожидание. Мы же верим, что когда Огонь сходит, то это означает Божию милость ещё на год грядущий. А ведь, по грехам нашим, его могло бы и не быть. Сошёл!

Получила и Москва этот Огонь. Привезли лампаду с ним на самолёте как раз к Пасхальной службе в Храм Христа Спасителя. Но как-то очень огорчило то, что передавал лампаду Святейшему Патриарху Кириллу человек в маске и на руках голубые перчатки.

Почему так? Боялся заразиться от лампы? От Благодатного Огня?

С ДОСТОЕВСКИМ ИЛИ СО ХРИСТОМ?

Цитируют слова Достоевского, и сам я это делал неоднократно, о том, что если Христос будет вне истины, то он (Достоевский) останется со Христом, а не с истиной.

Но по прошествии многих лет, уже и Достоевского по годам пережил, думаю, что тут есть противоречие. Какое? Так ведь Иисус Христос — Он и есть Истина.

Понтий Пилат спрашивает Его: “Что есть Истина?” А Истина стоит перед ним.

МЫ ПШЕНИЦА ИЛИ ПЫЛЬ?

Преподобный Ефрем Сирийский объясняет падение Константинополя, потерю имени императора Константина и замену его на Стамбул, превращение великого храма Софии — Премудрости Божией в мечеть Айя-София тем, что вначале упала Вера православная.

Всё тогда происшедшее (1453 г.) близко к нашему сегодняшнему положению. Разница в том, что на нас не турки напали, а вирус. И в природе он вывелся или в лаборатории, неважно, он нам наказание по Божию попущению.

Разве мы не заслужили наказание? И мы, прихожане, и наши любимые пастыри? Как тогда пострадала вера православная, так и теперь страдает.

Так как я многократно убеждался в малой просвещённости светом Христовым нашей молодёжи (не говорю о православной), то считаю нужным хотя коротко рассказать о трагичнейшей судьбе столицы Восточного Православия, Византии (Константинополя). Её предали на Ферраро-Флорентийском соборе, на котором пытались сохранить Византийскую империю. Но для этого надо было признать главенство католического Рима, который обещал за это военную помощь. Вроде бы, кроме Марка Ефесского, признали, то есть предали веру христианскую. А в итоге потеряли веру и защиты не получили.

На соборе от России был митрополит Исидор. Награждённый на нём званием кардинала, вернулся в Москву. На первой же службе в Успенском соборе Кремля возгласил поминовение папы римского. Скажете: ну и что, это же просто фактически пожелание здоровья, благоденствия, долголетия, нет, это предательство. Потерпеть власти католиков русские не могли. За что же тогда стояли киево-печерские старцы, русские князья, начиная с Александра Невского?

С митрополита Исидора сорвали облачение, посадили в темницу. Он бежал. Я почти уверен, что ему позволили бежать. А что с ним делать? И догонять не стали. Прибежал к папе, получил должность представителя папы в Константинополе. То есть, вот уже какая шаткая вера наступила в Риме, что предатели веры держали на высокой должности. Когда турки осадили столицу Исидор своё кардинальское облачение обменял на лохмотья нищего, и в этом “облачении” бежал. А нищего приняли за него, убили, выставили его голову как кардинальскую. Дальнейшее про Исидора неинтересно.

Но надо возвеличить последнего императора Византии, Константина XII. Он мог покинуть осаждённый город, но он обратился к войскам (а турецкие войска превосходили греческие численностью в семь раз плюс мощная артиллерия), сказал: “Сколько великих и славных царей, бывших здесь прежде меня, пострадали за своё Отечество: неужели я, последний, не поступлю подобно им? Нет, я умру здесь, с вами”.

Воины греческие сражались отчаянно, но были явно обречены. Константинополь пал ещё и от того, что после предательской Флорентийской унии его наводнили турки, на всех площадях звучала турецкая речь.

И цитатой из сочинения преподобного Ефрема Сирина закончим: “Дело ясно, — сами видите, как наказывает нас Бог посредством нечестивых... Вместо того, чтобы быть пшеницей, мы стали пылью: и вот внезапный сильный ветер от востока развеял нас. Мы не искали убежища в едином убежище спасения (стаде Христовом. — **В. К.**), и нас не спасли самые укрепленные города. Наши пастыри из суетной славы стремились к высшим степеням: и вот они лежат поверженные на земле, или отводятся в страну магов”.

Так пыль мы или зёрна пшеничные?

РУССКАЯ ЛИТУРГИЯ

Огромность России я начал постигать с первого полёта в Восточную Сибирь, в Иркутск. 1972 год, конференция “Молодость, творчество, современник” (МТС). Там я познакомился с так называемой, появившейся в молодой литературе России, Иркутской стенкой: Распутин, Пакулов, Китайский, Гурулёв, Машкин, Шугаев, Суворов, совсем тогда молодой Хайрюзов. Сильное пополнение вливалось тогда в литературу России. Легко сравнить это благодатное пришествие с сибирскими полками 41-го года, спасшими Москву.

Но об этом много написано, сейчас я о том, что меня поразило. Мы летели, тогда летали с посадкой в Омске, часов семь. Бесконечные неохватные

взглядом просторы. Вылетели из Москвы вечером, сели в Иркутске, Москва ещё вовсю спит, а тут уже сияет завтрашнее солнце. Куда исчезли из жизни пять часов? Потом они к нам вернуться, когда мы вылетим из Иркутска рано-рано утром и прилетим в Москву тоже рано утром. Было ощущение, что летим на крыльях рассвета, несём его к Уралу и за Урал. Рассвет в Европе идёт от нас.

И с тех пор привязалась ко мне привычка ощущать начало дня движением его от востока. Я не умозрительно, не по карте представлял движение наступающего дня, а по личным ощущениям.

Ночь. Ворочаюсь на постели и понимаю, что в Петропавловске-на-Камчатке утро. Мысленно поднимаюсь на высокую сопку над заливом. На соседней сияет куполами прекрасный нововозведённый храм. Представляю Шанхай, Пекин, Улан-Батор. Двигается день: Магадан просыпается, Хабаровск (Амур), Кемерово, опять же Иркутск (Ангара), Красноярск (Енисей), Омск, Томск, Барнаул, Оренбург, Тобольск, Тюмень, Алма-Ата, Ташкент, Екатеринбург, Ижевск, Пермь, Сыктывкар, Вятка, далее по тексту огромное количество городов России и Европы. Любимый Ближний Восток. Везде пролетает ангел рассвета, нового Божия дня. А вслед за стремительно проходящим днём накрывает пространство крыло ночи.

Всё в памяти зрения. Везде же был, везде знакомые. Везде почти причащался.

И как раз эти Божественные Литургии и Причастия меня успокаивают. Всё будет хорошо, ничего с нами не случится: вот вынесли Чашу с Дарами во Владивостоке, через час-два-три выносят в Благовещенске, и так далее, до Калининграда, а закончат причащаться на западе России — на востоке уже вновь читают Правило ко Причащению. И вновь, “со страхом Божиим и верою” приступают к принятию Тела и Крови Христовых люди православные — земная гвардия Господа.

ДВА ПИ, ЧЕТЫРЕ ЭС

Находясь в вынужденной изоляции, не имея выхода из дома, вспомнил своего первого редактора Николая Петровича. Мне шестнадцать лет, я литсотрудник районной газеты “Социалистическая деревня”. А более прозорливых существ, чем газета, я не видывал. Ей всё дай-дай-дай, всё мало. Информации, отклики на решения партии, прославления тружеников колхозных полей, работников лесной промышленности. А не даёшь текстов — сам ложись в полосу. С текстами плохо. Пишем от рабочих и колхозников ноль. Пишем за них. Чего-то стараемся выспросить по телефону. Редактор безжалостен, бракует написанное, гонит нас, как тогда выражались, “на места”. В колхозы. На лесопункты. На славучастки.

— А то у вас все материалы по одной формуле: два пи, четыре эс. Пол, потолок, четыре стены. Идите в жизнь!

И вот, спустя шестьдесят два года, сижу в этих самых два пи, четыре эс. Никуда не выйдешь: полицейские патрули, штрафы, я за чертой благонадёжности, старик. Социальная карта отключена. Как законопослушный гражданин я понимаю, что государство борется за жизнь своих граждан, но, как мыслящий тростник, страдаю. Эти угрюмые стены соседних зданий, так мало из-за них видно неба, так на мало, и то не каждый день, приходит с утра солнце, и ещё короче перед закатом.

Главное страдание — не хождение в церковь. Годы и годы еженедельно причащался, и вот. Но что делать: Святейший Кирилл рекомендует (просит, увещевает, благословляет) встречать Христово Воскресение дома. Кто из знакомых мне звонит, стараюсь ободрять:

— А как же при большевиках и коммунистах? Молились, верили. Два, чуть не три поколения выросли не просто при закрытых храмах, а при разрушенных. Священники расстреляны или в тюрьмах, ссылки. И ничего, веру сохранили. А когда все храмы открывались, в восьмидесятых, в девяностых, то почему так: вначале хлынули, и лет через пятнадцать-двадцать отхлынули?

Не Господь нас наказал этим вирусом, сами. Так нам и надо. Чего не хватало? Болтовни о том, что правительство плохое? Доболтались до его сме- ны. Что? Лучше стало?

Молиться Богу никакое правительство помешать не может. Досадно, что кто-то там миллионы ворует? Что вам до того? Сами не воруйте, только и всего. И спите спокойно.

Слушал сейчас митрополита Псковского Тихона. Война, говорит он, тре- тья мировая. Да война. Уже жертвы. И каждый, говорит владыка, солдат на этой войне. Что не воевать: сиди дома, Богу молись, книжки читай, письма пиши. Ни тебе собраний, ни встреч, театры, слава Богу, всякие увеселения, закрыты. Милое дело. Жене делать нечего, у плиты стоит. Всё постное го- товит. Но в мои годы только такое и радует.

Богу молимся, Акафисты читаем. Пасху Христову ждём.

ПРАВЫЙ ЛКОТЬ

Ну, никак не получается без бесов жить. Везде суются. Открыл в интер- нете страницу начала Страстной седмицы. Сразу, справа от рассказов и от текстов молитв, реклама купальников. И тут же выскакивают идиотские приметы о том, что, например, значит, когда ударишься правым локтем. Что это сулит, какие известия, встречи, доходы. Расписано даже значение, в ка- кой час дня локтем треснешься. Очень ценные, обогащающие интеллект из- вестия. И тут же сведения для жадных: какие знаки Зодиака будут осыпаны дождём ассигнаций. Всё это дикости несусветные. А правым коленом уда- риться, что будет?

Меня совсем не убеждает фраза: “А вы не смотрите!” Как не смотреть, это же всё лезет в глаза и уши. Я ещё не достиг того отрешения от жизни, чтобы её не замечать, когда начинаешь молиться.

Вспоминается читанное об одном молодом монахе, когда он с настояте- лем пришел в город. Пестрота жизни ошеломила монаха: он многие годы не выходил за стены монастыря. И вот они ходят по городу, по делам, толпы народа, девицы, потом идут к трапезе, и настоятель не видит за столом это- го монаха. Где он? Ищет. А монах, оказывается, скрылся в туалете и молит- ся. Он другого места не нашел. И настоятель одобряет монаха.

Так что можно даже в нечистом месте молиться от наваждений. У ме- ня-то все условия для молитвы. Да только молиться так, как этот монах, не могу. В этом всё дело. Можно в миру спастись? Можно. Можно в мона- стыре погибнуть? Можно.

Сейчас попробую встать на молитву. Две главы из Посланий, одну из Евангелия. Получается. Иногда. Верный знак — сердце напоминает о себе.

О КНИГЕ “ОТКРОВЕНИЯ РУССКОЙ ДУШИ”

Создавалось Общество Российской словесности. В подарок всем участни- кам дарили книгу “Откровения русской души. Мудрость тысячелетий”. Пре- красно издана, много иллюстраций. На обложке тексты: “Мудрые жизни всегда заставляют взглянуть на вещи по-новому, изменяют человека, а с ним и окружающий его мир. Может быть, афоризмы российских писателей, учё- ных, мыслителей смогут приоткрыть нам с вами новые грани нашей души... Ведь мчится, мчится куда-то Русь — великая “птиц-тройка”! Аж дух захват- ывает...” Тексты по разделам: Мир и человек, Жизнь и смерть, Россия и русские, Мораль и правдивность, Мужчина и женщина... И принялся я читать. И стало у меня дух захватывать.

Начнём цитировать. Причём не выборочно, почти наугад открывая стра- ницы:

Войнович: “Из всех человеческих пороков самым отвратительным явля- ется благоразумие”. Что это? Это благоразумный сказал? Или порочный?

Чехов: “Нужно уважать своё равнодушие и не менять его ни на что. Так как равнодушие у хорошего человека есть та же религия”. А это что? Или у составителей равнодушие к отбору цитат, или они подпадают под авторитет фамилии и не смеют иметь своего мнения. То есть, если какую благоглупость изрекли, например, Сахаров или Лихачёв, это все равно, что “Цицерон с языка слетел”?

Искандер: “Вся Россия — пьющий Гамлет”. Так-таки вся? Так-таки Гамлет? Он же: “...мы туповаты, нам подавай приказ следовать мудрости”. Но как можно за всех говорить? Мы туповаты? Но в это “мы” и моя умная жена входит. То есть сказана глупость. Если ты туповат, при чём тут другие.

Довлатов: “Любой выпускник Академии имени Баумана знает о природе не меньше, чем Дарвин. И всё-таки Дарвин — гений”. А в чём Дарвин гений, он же от обезьяны произошёл.

Ключевский: “Человек — это величайшая скотина в мире”. Это выражение гений Дарвин одобрил бы.

Рерих: “Человечество всегда ползёт как раки из корзины”. Но куда-то же ползёт? Цель какую-то имеет?..

Берберова: “Может быть, скажут, что люди меняются? Нет, люди остаются те же”. Как же не меняются? Был грешник, стал святым, был умным, поглупел.

Шевелев: “Страшась будущего, обворовываешь себя в настоящем”. Как это? В чём обворовываешь? Конечно, вырвано из контекста.

Кассиль: “В мире мало симметрии и нет абсолютно прямых линий”. Почему мало? День — ночь, холодно — тепло, чёрное — белое, старый — молодой... А солнечные лучи разве не прямые? А рельсы?

Горький: “Совесь — это сила, непобедимая лишь для слабых духом, сильные же быстро овладевают ею и поработают её своим желанием”. Ну, тут полное безбожие! Совесь — голос Божий в человеке. Только совестью и держится нравственность в обществе.

Набоков: “Жизнь — только щель слабого света между двумя идеально чёрными вечностями”. Это уже такой мрак, что и спорить не хочется. Но что ж, если ему нравится такая жизнь, забился щель внутри черноты.

Хватит цитировать. И какие же это откровения русской души? Спросим: какая литература ведущая в мире? Русская. Почему? Потому что народна и православна. Народна, потому что ближе к земле. Православна, потому что идёт за Христом.

А в этой книге это чувствуется? Хорошо, ещё процитируем.

Платонов: “В храбрости есть высшее самолюбие”. То есть в подвиге, который есть проявление самоотрешения, смелости, храбрости есть самолюбие? Если по Фрейдю, то согласен.

Цветаева: “Сердце — любовных зелий зелье вернее всех. Женщина с колыбели чей-нибудь смертный грех”. Прямо с колыбели? Но простим: по Шекспиру, от имени женщин: “Наша сила в нашей слабости”.

Мариенгоф: “Буржуазная мудрость: в жизни надо иметь одну жену, а менять — любовниц”. Почему только буржуазная?

Коллонтай: “Мы молоды, пока нас любят”. Без комментариев.

Белинский: “Всякая преждевременная зрелость похожа на растление в детстве”. А разве неистовый Виссарион не был умным с самого детства?

Бродский: “Время создано смертью”. А безвременно чем?

Пришвин: “Как может возникнуть идея бессмертия, если люди смертны?” О какой смерти речь? У Бога нет смерти, окончание земной жизни это рождение в жизнь вечную.

Но всё-таки хватит цитировать. Книга эта, вспомним Пушкина, “старается важно в том уверить, в чём все уверены давно”. И доказывает, что и навязанные авторитеты могли быть и были посредственностями, у которых нечему учиться. Но тут основная вина в искаженном взгляде на Россию лежит на составителях. Какие-то фразы могли сорваться с языка тех, кого цитируют, случайно, или в минуту раздражения, а какие-то вообще нельзя приписывать авторам, они принадлежат героям их книг. В книге это видно у Островского и Лермонтова.

Никакого образа России в книге нет. И какая мудрость, когда такие представления о целой стране. А где же книги — учебники русского народа? Вот откуда надо было черпать цитаты: из сказок, былин, пословиц, поговорок, загадок, песен, Псалтыри, Священного Писания, из творений святых отцов Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадского, Николая Данилевского, Ивана Ильина... У нас золото под ногами, только нагнись, поклонись. Нет, надо было наскрести какой-то серости и даже пошлости.

И какие же новые грани русской души нам открывает книга? И русские ли делали её?

Может, от этого и не слышно деятельности Общества Российской словесности.

РУССКОЕ ДЕРЕВО

Берёза — символ России. В хорошей песне о родине есть такая строка: “И светла от берёз Россия”. Берёза была знаком владычества русского царя. Сажали её по сторонам почтовых трактов. Особенно много сажали берёз при Екатерине. Так и называли их — екатерининские берёзы. И много же вёрст прошагал я под их сенью по Великому Сибирскому тракту. А ведь было им тогда (50-е годы) уже два века. Даже один из ранних рассказов назвал “Черные берёзы”. У них от старости лопалась и чернела кора.

Мой отец — лесничий, один раз загадал нам загадку: какое дерево болезни исцеляет, лень выбивает и скрип устраняет. Мы не знали. Он назвал наводящие на ответ слова: баня, школа и телега. Опять мы не соображали.

— Да-а, — протянул он, — сразу видно, что вы берёзовой каши не пробовали. Вроде и в баню не ходили. Плохо я вас веником парил.

Тут уже мы сообразили, что речь о берёзе. О берёзовых розгах и о банном венике. Но что такое: скрип устраняет?

— Да как же это непонятно? — подталкивал отец к разгадке. — Телега. Сто раз ездили. А телега что? Ездит колёсами по грязи, пыли, глине и что? И начинают колёса скрипеть, взвизгивать. И это очень противно, и лошадям тяжело такую телегу тянуть. Втулка колеса и тележная ось истираются, изнашиваются. И как с этим борются?

— Колёса мажут, — догадались мы. Конечно, мы видели, как смазывают колёса. Поочерёдно поднимали их с помощью рычага, снимали с оси и мазали огромной кистью. Которая называлась квач. Обмакивали его в ведёрко с дёгтем. Когда куда-то отправлялись, ведёрко прицепляли сзади к телеге.

— Так дёготь откуда? Опять же от берёзы! Да и любую рану, царапину дёгтем смажь, заживёт моментально. Только вот не дай Бог какой девушке так себя вести, что ворота её дома вымажут дёгтем.

— Надо вас полечить, — говаривал отец сапогам, покрывая их блестящим лаком прекрасно пахнущего дёгтя. Да, я не ошибся, прекрасно пахнущего. И это не квасной патриотизм, это то, с чем я вырос. Но, чтобы поверить в мои слова, надо пережить (вспомнить, понять, представить), как легко катится “смазанная” телега через поля и перелески на дальний покос, как начинает её трясти на кочках и как ударяется о грядку телеги деревянная нога конюха фронтовика Фёдора. Это он положил в телегу огромную охашку сена, подстелил, чтоб нам было помягче, и ведёрко не забыл.

Да, вот такое вспомнилось в дни теперешней антивирусной изоляции. Изоляционистская запись.

Из моего московского окна видно берёзу, которую мы посадили в 1990 году, когда сюда переехали. Уже большущая стала. А главная берёза моей жизни — берёза около дома в моём селе. Посадил в 1957 году, в год окончания школы. Росла и стала огромной. Сколько же на ней было майских жуков! Сгорела в пожаре 2011 года.

Может быть, дай Бог, хотя бы на Троицу будем мы выпущены из заточения? Нынче она седьмого июня. Этот день ещё вдобавок — день третьего Обретения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Вот и Благодатный Огонь сошёл. Значит, Господь ещё годик даровал.

АНТОНОВКА

Более тридцати лет как мы въехали в наш полудомик в Никольском. И почти все эти годы жила с нами яблоня. Когда мы тут поселились, она уже тогда была старая. И уже тогда прежние хозяева говорили, что надо яблоню “убирать”, что стара, что ей лет пятьдесят.

Но она была такая большущая, так по вёснам цвела, такие были сладкие яблоки, что мы её очень полюбили. Нет, слова “сладкие яблоки” к антоновке не подходят. Они особые, поздно осенние, терпкие, сказал бы даже, немного грустные. Она очень русская, эта яблоня, и вкус её особый. Мне его не описать, читатели знают, о каком вкусе говорю. Это, не похожая ни на какие другие сорта, антоновка. Она хороша во всё: только что отнятая от яблони, пареная-вареная, в компоте, в варенье, в пирогах, мочёная, всякая. И долго-лёжкая, есть такой термин у садоводов. Лежит в песке, в стружках, у нас в старых газетах, хорошо хранится, ароматна и всегда аппетитна. Приходящая на стол среди зимы и сразу улучшающая настроение.

В какой-то год не бывало на ней яблок, а в какой-то не знали, куда девать, кому подарить. Нет яблок, значит, отдыхает. Все равно удобряли, поливали. Особенно перед зимой, вёдер по десять-пятнадцать, чтоб ей было легче переносить морозы.

Конечно, во все эти годы я поневоле отпиливал усыхающие, отмирающие ветви. Иногда даже и сами ветви отламывались, не выдерживая тяжести созревающих яблок. Яблоня, думаю, даже сама стряхивала их недозревшими, спасаясь. Конечно, делал подпорки

Время шло. В один год яблоня не дала плодов, в другой тоже. И в третий. Что делать? Значит, всё, отжила свой век, даже и чужого прихватила. Будем убирать?

Решили: подождём ещё до весны. Дождались. Весна. Яблонька наша цвела очень вяло, мелкими цветочками, никаких зародышей. Обошёл её вокруг, все соцветия осмотрел. Пусто. Даже верные наши пчёлки не стремились к ней. Присядут, потычут хоботками — сухо, и улетят.

Надо было принимать тяжелое решение: пилить. Я присел на крыльце. Тяжко вздохнул. Вспомнил, как жена отскребала со ствола засохшую поверхность старой коры, как всегда радовалась цветению. Как падали в траву тяжелые яблоки. И как долго-долго висело последнее яблоко, и мы его никогда не срывали. Оно покидало яблоню само.

Я ещё присел, ещё досыта навздохался и решил: куда денешься, не вечна она, надо набраться решимости и проститься с нашей кормилицей. Вон она какая уже корявая, с обрубками засохших ветвей, прямо страшная.

И всё-таки не решался взять в руки пилу и топор. Малодушно решил переложить последнее слово о судьбе яблони на жену. Пусть она первая скажет, что яблоню надо спилить, и я уже спилю не по своей воле, а из послушания.

Так решив, я поднялся и... и стукнулся головой о яблоко. Да как же мы его не видели. Такое крупное, красивейшее, благоухающее.

И — единственное! Яблоня протянула его на крыльце на конце длинной ветви. Как подарок нам, как благодарность за уход. Собрала остатки сил на единственного своего дитёнка. Но что оно говорило? Что оно, в самом деле, последнее? Или просило подождать ещё год? Не знаю.

Я взял ведро и пошёл к колодцу.

ДЯДИ ШУТЯТ, А МАЛЬЧИКУ НЕЛЬЗЯ

Всё происходящее сейчас в нашей школе настолько дико, настолько нереально и так далеко вообще от традиций русской, советской школы, что иногда кажется: да это же всё несерьезно, да это скоро пройдет: это наваждение с телефонами доверия, эта изуверская болтовня о домашнем насилии, это приучение детей к доносам на родителей, что это?

Вот подлинный случай, происшедший в московской школе. Деточек шестого или седьмого класса посадили отвечать на анкету об условиях домашнего быта, о семье. Всё там было: и об условиях для занятий, и о питании, о походах на культурные мероприятия, занятиях в кружках, в общем, обычное дознание сведений о личной жизни учеников. Честно говоря, и это противно, но тут ничего секретного.

Раньше учителя сами всё знали безо всяких анкет. Всегда ходили в семьи. А как сейчас пойдёшь: железные двери, кодовые замки. А как родители в школу пойдут: охранники, надо заявку писать. Да по себе скажу: у своих детей я знал не только всех учителей по имени-отчеству, но и одноклассников, а вот уже у внуков не знаю никого. Кто меня в школу пустит? Но и учителя оправдываю: они просто задавлены требованиями отчётности, бумагами, рассылкой заданий на компьютеры учеников. Если добавить, что все они в подвешенном состоянии, с ними заключаются договоры, и они живут под постоянной угрозой, что срок договора директриса легко, к чему-либо придравшись, может не продлить, как в таком состоянии ходить на работу?

Так вот, я о случае. А в классе был мальчишка, в общем-то, как все мальчишки: детективы читал, фильмы про бандитов смотрел, а чего не смотреть, их же взростые дяди для просмотра делали. А в фильмах всего насмотрелся. А он парень был с юмором и на вопрос о том, как нему относятся родители, написал: “Ужасно. Не дают еды, бьют. А недавно где-то взяли наручники и меня пристегнули к батарее. А сами ушли”.

Сдал работу. Дальше закрутилось. Сверхбдительная, а по-моему, прошу прощения, не очень умная учительница побежала к директрисе. Та из той же породы, сразу в полицию. Полиция в дом к этому ученику. Родители арестованы, привезены в отделение, дают показания. Конечно, они потрясены, конечно, отрицают то, что написано. Как, они бьют их любимого, единственного Игорёчка? Спрашивают и его. Он, конечно, всем этим вторжением людей с оружием напуган и твердит одно: “Да я же пошутил! Шутил я”. А про себя думает: может, эти дядьки тоже шутят?

Вот такая милая, но страшная история.

Очень даже понимаю этого мальчишку. Сам был такой выдумщик. Правда, такой детективной дрянью не читал и этой пошлятины киношной не смотрел, но выдумывал всякое разное. Но после Андерсена, Жюль Верна, Александра Грина, Вальтера Скотта, Даниэля Дефо, многих других из этого ряда другие были фантазии и выдумки.

Да, всё изменилось, всё против человека, всё против России. Нет, что-то неладно у нас в стране.

У кого мы учимся? У Запада? Запад — родина гомосексуалистов. Мало того — в школах там запрещают помещать распятия. И это родители номер один и номер два одобряют. Но нам-то что до этого? Мы в России, в самой целомудренной стране мира. Россией правит любовь. К Богу, к родине, к семье. Любовь. Вот именно. Любовь страшна врагам нашего спасения. Её надо хранить и усиливать. А пока её мало. И другого объяснения происходящему в нашем Отечестве нет.

“СИМВОЛ ВЕРЫ” В МЕТРО

Не хочется вспоминать эти окаянные 90-е годы. Всё гибло, разрушалось: оборона, экономика, медицина, школа, армия. Но помнить надо. Особенно то, что только Божия церковь выстояла и стояла посреди всего этого. Убитые, разрушенные храмы возрождались, люди у развалин читали молитвы. Молодёжь шла в церковь, шла по зову сердца, которое у нас православно.

И тогда многие, по благословению, стояли с кружками на улицах, площадях, собирали подаяние на строительство и реставрацию. Ибо государство, разрушив храмы, их не возрождало. Или возвращало развалины, да ещё требовало за это платить.

Тогда студенты художественного вуза, любящие Россию, пришли к священноначалию и предложили свои услуги. Их направили на возрождение

столичного храма в центре. Кто-то стал чернорабочим, кто-то спасал фрески, два или три были отправлены просить подаяние. Это называлось кружечный сбор. И он всегда был в России.

Александр, это его подлинное имя, он и теперь Александр, но уже отец Александр, пошел стоять с кружкой в метро. Он был из православной семьи, причащался, и послужить Богу было для него в радость. Но тут радость отравлялась тем, что просителей, которые говорили, что собирают на церковь, а на самом деле ввали, развелось много. Их милиция гоняла. Гоняла и Александра. Но каждый раз он доказывал, что имеет право, собирает официально: вот документ от Благочиния, вот подпись, вот печать.

— Да этих печатей сейчас кто угодно сколько угодно нашлапает.

Всё-таки отпускали. Но вскоре снова ловили уже другие и опять тащили в отделение. А человек он был горячий, возмущался и восклицал:

— Да как же вы не можете понять, где на Божий храм собирают, где ещё на что?

— А вот не можем. Как их различить?

— Пусть “Отче наш” читают.

— А ну-ка, нам прочитай.

Александр прочёл.

— Так это ж коротко, они за ради денег выучат.

Верно, подумал Александр, молитва короткая, выучат и отбарабанят. Но его осенило:

— А пусть “Символ веры” читают.

— Какой символ?

— Основания веры христианской. Принят в Цареграде, дополнен в Никее.

— Читай.

Он прочёл. Почесав в затылке, они решили, что это и им даже не выучить, особенно: “И в Духа Святаго, Господа животворящего, иже от Отца исходящего, иже со Отцем и Сыном споклоняема и славима глаголавшего пророки”.

А дальше что произошло? Помог, очень помог раб Божий Александр столичной милиции. Распечатал побольше экземпляров “Символа веры”, принёс в отделение к теперь уже знакомым стражам порядка. Они благодарили и сами эти экземпляры размножали и по московским отделениям рассылали.

Это, могу сказать, резко тогда уменьшило число мошенников в Москве. “Символ веры” прохиндеям не даётся. Поймали попрошайку. “А ну, читай “Символ веры”, — и по бумаге следят. Да и следить не надо: “Символ веры” таковым был неведом.

— А, не знаешь? С тобой всё ясно.

— Да и самим милиционерам это было на пользу, — улыбается отец Александр, теперешний настоятель столичного храма.

МИНУС СОРОК

В Москве зимой отменяются занятия при минус двадцати, а у нас в детстве не ходили в школу только при минус сорока. И вот утром соскакиваешь с постели, прыгаешь в любые валенки, и в одних трусах и майке выскакиваешь на середину улицы, откуда видна пожарная вышка. Именно на ней в такие дни вывешивали красный флаг — знак того, что занятия отменяются. И вот — о, счастье жизни, ты есть — флаг! Летишь обратно в избу — флаг, флаг! Конечно, по одному твоему виду все это уже поняли! Ура!

И после этого день-деньской на улице. Любимый лог за околицей села. Склоны, крутые и пологие. Лыжи, санки. Спуски и подъёмы. Слалом, биатлон, таких слов мы и знать не знали, но были же их воплощения в скоростных спусках с поворотами между натканных в снег еловых веток и киданием снежков на ходу в цели. А цели — расставленные по обочинам трассы остатки сломанных лыж.

А бывало — делились на две команды. Первая сверху, готовит “гранаты” — куски твёрдого наста, вторая выстраивается справа и слева трассы спуска через интервалы. Конечно, тут и судьи.

Сигнал! Первый пошёл. За ним через пару-тройку секунд второй. Несутся вниз, виляют между ветками, успевают на ходу кидать в соперников “гранаты”. Соперники не имеют права отскакивать. Может и в лицо прилететь. Может и ссадина остаться. Больно тебе? Но тебя никто не заставлял становиться под выстрелы. Сам захотел. А никто и не обижается. И никто не трусит.

И, конечно, прыжки с трамплинов. Трамплины делали так: ломали еловые ветви, укладывали на середине склона холмиком, холмик засыпали снегом, прихлопывали лыжами. Рядом делали ещё трамплин, поменьше. То есть, если разогнался и несёшься на большой трамплин и вдруг испугался, то сворачиваешь на маленький. Испугался — ничего. В следующий раз взлетишь с большого. И падения бывали, как без этого. Очень ощутимые. Так хлопнешься, что снежный фонтан вздымаешь и катишься вниз в облаке холодной пыли. Где там руки-ноги, где лыжи, где палки?

Да, целый день на морозе. И никто не обморачивался, никто не простывал, и потом не чихал, не кашлял. И таких дней в детстве было множество. То есть вырасти слабаком при такой закалке было просто невозможно.

А что там было в мире, в России, в эпохе в эти пятидесятые, шестидесятые годы? Какие культы личностей, какие волонтаризмы, какие застои и оттепели, нам-то что было до этого? У нас было счастливейшее детство: нас хранил Господь, нас выращивала Россия.

ТРИ ФИЛЬМА

“Мне всё дано было Творцом без всяких проволочек: и мать с отцом, и дом с крыльцом, и складыванье строчек”, — повторю я вслед за поэтом. А ещё судьба сподобила меня увидеть в детстве и отрочестве три фильма, которые стали основой моего характера, определили на всю жизнь моё поведение, это, по порядку: “Повесть о настоящем человеке” (Россия), “Прелюдия славы” (Франция) и “Возраст любви” (Аргентина). Причём, совсем неважно, в каких странах, на каком материале они были сняты, важно их ошеломляющее воздействие на меня.

Увидел их в конце 40-х, начале 50-х лет прошлого столетия. Мне было от восьми до тринадцати лет. Фильмы настолько врезались в сердце, в память, что я их в подробностях помню всю жизнь.

Известна история сбитого лётчика, который зимой, почти три недели, выбирался к своим, обморозил ноги, остался без них, потом вернулся в строй. Да, летал и сражался, будучи на протезах. В кино его образ воплотил актёр Кадочников. К нам в село привозили кино раз в неделю на два дня. Мама, конечно, дала пять копеек на просмотр. Я сходил, был так ошеломлён фильмом, что просил маму дать денежек и на завтра ещё сходить.

Потом мама, будто оправдываясь, говорила: “Бедно же жили. Ты просишь, а я говорю: Ты же посмотрел, зачем второй раз?” Она считала себя виноватой за то, что я сильно простыл и долго болел. А почему простыл? Зима. Стоял весь сеанс у окна кинотеатра, который чёрная портьера изнутри закрывала не до конца. Смотрел с улицы, звука не слышал, но заново всё переживал. Весь перемерз, но достоял до конца. Еле домой дошёл. Но говорил себе: а Мересьеву как было! Уверен, что если бы упал от усталости и мороза, то дополз бы до дома по-пластунски. Силой воли.

Этот фильм научил меня мужеству и терпению.

А фильм “Прелюдия славы” всадил в моё сердце желание славы. Мальчик становится дирижером, я тоже захотел им быть. Даже уходил от людей, дирижировал деревьями, рекой, родник помню, со dna которого под взмахом моего прутика (это дирижерская палочка) всплывали и торопились погибнуть на его поверхности стайки пузырьков. Мечтание о славе держалось во мне всё детство и юность.

И, наконец, фильм “Возраст любви”, ошеломляющая первая любовь. Это Лолита Торрес. Это уже отрочество, это удар весеннего чувства, это бурное течение, которое не спрашивает разрешения, а схватило и понесло. Именно любовь. Чистая, целомудренная, скрываемая в душе. Никакая это была не страсть. Я вообще тогда ни в чём не разбирался. Её красота и голос воззвали к чему-то во мне, которое от меня не зависело, но возникло в сердце и стало жить вместе со мною. И помогло дождаться единственную.

Лолита Торрес ушла из жизни в семьдесят два года. Мне тогда уже было за шестьдесят.

Да, вот и жизнь прошла. И я благодарен Господу, что именно такие, чистые, умные фильмы наполнили мою жизнь смыслом.

А если бы я в те годы увидел какую-то голливудчину, драки, деньги, разврат, трупы, кровь, опошление всего святого, снова деньги, заляпывание грязью истории России, что бы из меня вышло? Даже предполагать не хочу, не верю, что могло бы такое случиться.

Нет и нет. Высокие берёзы в снегу, воронка от разрыва бомбы, в которую скатился лётчик с обмороженными ногами, и он карабкается вверх по склону. И срывается. И снова карабкается. Боже мой! Как вспомнить страдания мальчишки, который всё это видит и ничем не может помочь.

И с этим фильмом сливается музыка Бетховена, Баха, Ференца Листа из “Прелюдии славы”. И снова музыка в “Возрасте любви”.

Разве можно быть более счастливым, чем я?